и. Б У Р и х и н

СЕМЬ ПЬЕС ДЛЯ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ Над холмом твоего лба громоздит гужевое небо первозданные облака. Ощущеные любви нелепо

выпадает за окоем в островерхих его оправах. И веснушки твои огнем пробегают на горних травах.

Темний луч от тучи уходит в небо. Бистрей темнеет, зажегся месяц. Молотят цепом в пруду лягушки. В четыре цапли застыла лошадь. Буйволы движутся тише теней. Пусто белеет внизу дорога. Ангелом гаснет вдали зарница. Тяжелее взмахи окрестных гор. Ты лежищь на локтях и подняв колени. И в промежности у тебя д о м.

Вязнет песок и темнеют еди.
В облаке душно, как спать в постели перед грозой. Запах тьмы и тлена.
Тело не хочет другого тела.
Возглас урода во сне красавиц:
Я не хочу, чтоб меня касались.
Лучше уж крики, рыданья, роды.
Вон из окна, изо всей природы.
Вон из себя, как бежать из дома!
Благословенны раскаты грома.

Надо мной полнота неба. Подо мной маята моря. Это тело, пещера, недра уходящего в них мола.

Море ласкает мол, не выпуская из губ, говорящих: мой, ни в берега, ни вниз.

Море лелеет мол, держит его в себе. Господи Боже мой, так же и я в Тебе!

МОЛИТВА ПО МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

Перед Тобою - Господи - прости - когда не помню, лет уже в тринадцать в меня ломились: милая, пусти! И я пускала, дабы не ломаться.

И с кем угодно ела и пила. И не была и быть могла любою. И с кем угодно, Господи, спала, не научаясь торговать любовью.

Я перед ними, Господи, ничто. Их путь лежит через меня и в судьи. А мой куда? мой Господи! Не то чтоб я боялась, но ужасно — всуе.

Во мне искали девственность и блядь. И чтоб рожала, что ли, им ребенка. Я принимала и такую блажь и пропускала сквозь себя — ребром, как

должно быть Ева, ощущая член и в том, что Ева, и с обидой - в горле, стучащий в кровь, стучащий в кровь. И чем казалось слаще, тем казалось горше

мне плить и совершенствовать ничто, не оставляя по себе ни камня, ни капли слез; ни крови, ни того, что называют семенем. Рука, мне

которая указывала путь и за которой, изнутри как тенью, теперь иму, угадывает пусть, где есть предел и моему терпенью.

В младенчестве мне говорили: дочь. В девичестве: сестра моя, невеста. А в промежутках наступает дрожь, горячий дожду стучит в испод навеса.

Какой кошмар, когда тебя хотят не только люди и не только звери. Весь тварный мир — Ти это знал! — хотя б я разорвись — в одни стучится двери.

Еще минута — я рожу себя обратно в ночь. Прощай, Александрия!.. Твое лицо в окладе серебра. А как вще? — М а р и я.

Все это лето, будто на волнах, с моей любимой маленькою шлюшкой я мчался по Кавказу, как со шлюнкой в пучину Бога брошенный монах.

Все это лето у тебя в гостях, ростком вовнутрь, я пробивался в древность, все более испытывая ревность к самой любви - на разных скоростях.

Все это лето я горел в аду. Сравнение бесследно не проходит. И как гора с вершиною во льду, я наблюдал, как это происходит,

и принимал, как должное, пока по наважденью — за вершиной следом меня не заносило в облака. И вот уже прощаюсь с этим летом.

Прощай, моя земная Арарат! Я не дождался до конца потопа. Самоубийца, видимо, не рад, не оставляя по себе потомства. Луна выглядывает из-под мохнатой брови на скрип качели. Во всем, что движется, преобладает испут над ощущеньем любви и цели.

Неделю беременеет луна. Неделю втягивает в себя живот. Висит, ужасная, вместо сна, как выброшенный над морем плод.

Камень отбрасивает тень. И остается преступно голым. Хруст песка. Пожиратель своих детей торжествует над Исговой.

Море отступает от берегов. На песке следы материнства. На востоке от щек отливает кровь. В неподвижности— сила Сфинкса.

посвященые поэзии

уродствует, поется и кричится.

Возлюбленная моя стала утехой всех. А любит она меня. И это ввергает в смех.

И это рождает страх. И профиль острей, чем фас. И ежели это фарс, то это и значит страсть.